

В Тропарёвском лесопарке было уже темно. Деревья и кусты к ночи стали совсем чёрными — не разобрать, где что, хотя небо навверху ещё не совсем погасло и сохраняло тот нежный тёмно-синий оттенок, который бывает поздней весной. Тонкими полосками протягивались с востока на запад облака, которые ещё подсвечивало севшее за горизонт солнце.

По асфальтовой дорожке, которая потрескалась от пробившихся сквозь неё одуванчиков, шли две женщины: Таисия Тарасовна, маленькая «серая мышка» лет сорока, в очках и в строгом мешковатом костюме, который ей не шёл, и Альбина Николаевна, того же возраста, но кокетливая, ярко накрашенная и с пышной, «взбитой» причёской. Обе они были учительницами в школе-лицее и сейчас возвращались с работы. Но задержались они той ночью не из-за контрольных или затянувшегося педсовета, а по более приятной причине: у директора школы был юбилей, и они всем педагогическим составом отмечали событие до одиннадцати вечера.

Таисия Тарасовна не привыкла к развлечениям, устала и еле шаркала ногами. К тому же у неё была тяжёлая сумка с тетрадами, которые ещё предстояло проверить. А её коллега явно очень хорошо отдохнула и была навеселе. Она вихляла бёдрами и отхлёбывала из бутылки рябиновую настойку. У Альбины Николаевны тоже была сумка, но полегче: она не любила задавать домашку ученикам, и там были только листочки с результатами лабораторной работы.

Тропарёвский лесопарк был весьма симпатичным местом, куда днём приходило много народу: молодые мамы с детьми, влюблённые парочки и просто гуляющие.

Учительницы часто срезали здесь путь до дома. К тому же сейчас (а была середина мая) всё цвело и пахло. Недавно коммунальщики скосили траву, и воздух был очень свежим и ароматным. Но с наступлением темноты здесь становилось страшновато.

Таисия Тарасовна озиралась по сторонам, боясь нападения маньяков или насильников, и ругала себя, что согласилась на эту авантюру.

— Зря мы всё-таки, Альбина Николаевна, так задержались, — сказала она, перекладывая сумку

из одной руки в другую. — Ещё столько тетрадей дома проверять.

— Таисия Тарасовна, дорогая моя, ну надо же иногда расслабляться! Не каждый день у директора школы юбилей. Кстати, какой он сегодня был, а?

Альбина Николаевна толкнула коллегу локтем в бок, призывая вспомнить и повеселиться.

— Он так отплясывал с географичкой — я уж думала...

Раздался шорох. Таисия Тарасовна вздрогнула и схватилась за рукав Альбины Николаевны. Где-то в стороне пролетела тень.

— Фух... Наверное, это птица, — выдохнула Таисия Тарасовна. — Всё-таки нельзя так поздно через парк одним женщинам. Если бы хоть Георгий Георгиевич с нами был... Он обэжист, приёмы знает, если вдруг что.

— Так что же вы его не позвали, золотая моя? — Альбина Николаевна приобняла её и кокетливо прищурилась.

Таисия Тарасовна смущённо поправила свои очки и замаялась.

— Ну... — она не нашлась что ответить.

Обэжист Георгий Георгиевич ей нравился, но Таисия Тарасовна не считала возможным первой подходить к мужчине. В классических романах (а она была учителем русского языка и литературы) это обычно плохо кончалось, да и воспитана она была в старой традиции, по которой женщина должна быть скромной, терпеливой и ждать приглашения от кавалера.

Пока Таисия Тарасовна раздумывала над ответом, Альбина Николаевна остановилась и протянула ей бутылку:

— Вот что я вам скажу: не надо быть такой трусишкой. Натё-ка для храбрости.

Та маленько помахала рукой: мол, не-не, я такое не употребляю.

— У меня желудок, вы же знаете, — сказала она.

На самом деле здоровье у Таисии Тарасовны было в порядке: она регулярно проходила медосмотр и делала зарядку по утрам, а на любой чих сразу обращалась к участковому терапевту. Просто она не хотела обидеть коллегу, чтобы та не подумала, что её считают алкоголичкой, а Таисия Тарасовна выше в нравственном отношении.

Альбина Николаевна сама сделала глоток.

— Ну и зря. А вещь! — сказала она громко, на весь лес. — Хорошо, трудовик принёс. Не то что директорский шабли, горлодёр.

— Альбиночка Николаевна, потише, я прошу вас. Вдруг кто услышит?

Альбина Николаевна залилась весёлым пьяным смехом:

— Ну вы и трусишка! Да это парк обычный! Тут с колясками гуляют. Кто тут? А ну выходи, мы тебя! Эй!

Альбина Николаевна стояла, ухохатываясь и прижимая к груди бутылку. Вдруг она что-то заметила за плечом Таисии Тарасовны, вытерла выступившую от смеха слезу и не сразу, но довольно быстро перестала смеяться. Она взяла Таисию Тарасовну за плечи, загородилась ею и чуть согнула ноги в коленях.

— Альбина Николаевна? — та не поняла, что происходит.

Накрашенная учительница убрала бутылку в стоящую на земле сумку и сделала вид, что присела именно для этого.

— Так. Спокойно.

Альбина Николаевна чуть оттолкнула коллегу вперёд и убежала назад, к школе, откуда они пришли. На шпильках бежать было неудобно, можно было даже вывихнуть лодыжку. Но у Альбины Николаевны был двадцатипятилетний стаж бега на каблуках (не раз приходилось опаздывать в школу, да и вообще она всюду приходила не вовремя), так что это не помешало.

Таисия Тарасовна в недоумении крикнула ей вслед:

— Вы что-то в школе забыли? Альбина Николаевна!

Таисия Тарасовна хмыкнула: мол, ну ладно, бывают у людей странности, — и повернулась, чтобы взять свою сумку, но...

Она оказалась нос к носу с огромным мужиком в капюшоне, надвинутом на лицо. Он угрожал ей ножом.

— Ой... — только и сказала она.

Таисия Тарасовна попятилась. Мужик придвинулся к ней. Учительница прижала к груди сумку с тетрадами, в ужасе глядя на мужика.

— Не подходите. Кто-нибудь!! Помогите!

— Да не жмись. Мы тут одни, — сказал мужик грубым хриплым голосом. — Стаскивай юбку — и в кусты.

Таисия Тарасовна кинула в мужика свою сумку. Он этого явно не ожидал и потерял равновесие, но всё-таки удержался. Из сумки Таисии Тарасовны рассыпались тетради.

Мужик разозлился на сопротивление и переступил через сумку — тетради мешали, он чуть не поскользнулся. Это дало учительнице несколько секунд, чтобы сообразить, как ей быть. Насильник зарычал, но зря он это сделал. Он не знал, на

что способны трусливые «серые мышки», если их как следует напугать. Таисия Тарасовна отступила, подняла с асфальта сумку Альбины Николаевны (к счастью, та её в спешке не прихватила) и от страха размахнулась ею, как метатель диска, и с криком: — А-а, знания — сила! — подсекла сумкой мужика.

Насильник упал навзничь, и Таисия Тарасовна сначала «на автомате» кинулась подбирать рассыпанные тетрадки, а потом плюнула на них и убежала, спасая свою жизнь и честь. Она ведь до сих пор была девственницей.

Но поскольку Таисия Тарасовна была не очень тренированным человеком, то через пару сотен метров она запыхалась и остановилась, чтобы перевести дух. В боку у неё закололо. Она оглянулась посмотреть, не догоняет ли её маньяк. Мужика было ещё видно. Он лежал на дороге без сознания — наверное, сильно треснул головой, когда падал. Таисия Тарасовна помедлила, обкусывая губы, и беспомощно оглянулась. Конечно, это был нехороший человек, и он сам виноват — не надо было нападать на женщину. Однако оставить пострадавшего без помощи было не в её правилах. В Таисии Тарасовне, воспитанной на лучших образцах мировой литературы, гуманизм боролся со страхом и чувством справедливости.

Кроме того, в сумке остались её телефон и кошелёк, и было бы нелишним их забрать.

Она вернулась и осторожно подошла к насильнику, готовая в любой момент дать дёру.

— Эй, вы там живы?

Она похлопала его по щекам, потом открыла ему один глаз, отпустила — и глаз закрылся.

— Господи, что же делать-то? Как там Георгий Георгиевич говорил на обж?

Таисии Тарасовне стало жалко мужика. Она зажала ему нос, брезгливо, с опаской, наклонилась к нему, зажмурилась и сделала ему искусственное дыхание рот в рот. Тот пришёл в себя, задохнулся от внезапного «поцелуя» со стороны несостоявшейся жертвы и оттолкнул её.

— Вы чё делаете? Сумасшедшая! — закричал он. — Ненормальная, блин.

Таисия Тарасовна отклонилась назад.

— Могли бы и спасибо сказать, что я вас тут не оставила.

— Спасибо! Бошку мне разбили, чуть не задушили. Как я завтра на работу пойду?

Мужик сел и стал ощупывать свой затылок. На его руке осталась кровь.

— Бли-и-ин.

— Ну извините. А зачем вы на меня напали?

— Много вы, бабы, понимаете. Может, у меня трагедия в личной жизни, и я из-за этого уже сколько времени не могу... А, да что там.

Он махнул рукой: мол, что тут объяснять? — и закашлялся, шмыгая носом. Учительнице показалось это знакомым.

— Тетрадки у вас рассыпались, — сказал он.

Таисия Тарасовна посмотрела на мужика, обдумывая внезапно озарившую её мысль, достала бутылку рябиновой настойки (там ещё, на удивление, что-то осталось) и протянула мужику. Тот взял, снял крышечку и отхлебнул.

Она присела рядом, вытащив юбку из-под ног, чтобы не запачкать её.

— Я всё поняла. Беденький. Я читала, в насильники идут люди, у которых огромные проблемы в интимной сфере. Детская травма или что-то подобное. Они по-хорошему не могут заниматься... ну... «этим». Просто не получается. Не расстраивайтесь, импотенция — это не самое главное в жизни, вы можете в других областях добиться...

Мужик захлебнулся настойкой и закашлялся. Она постучала его по спине. Он еле отошёл.

— Да типун вам на язык!!! Какая импотенция?! У меня будь здоров, о-го-го!

Таисия Тарасовна в смущении поправила очки и отвернулась. Ей было неловко говорить на такие темы.

— А-а, вы мне не верите. Я вижу. Щас я вам покажу. Щас я достану, и вы сами...

— Не надо! Пожалуйста, давайте обойдёмся без этого. Мне биолог уже показывал «это». В учебнике.

Таисия Тарасовна запахла свой пиджак, поправила выбившиеся из пучка волосы и решила, что на этом пора заканчивать. Хорошо, что всё обошлось. Она собрала тетради и только встала, чтобы уйти, как...

Мужик достал сигарету и стал закуривать, и его лицо осветилось от огонька зажигалки. Таисия Тарасовна ахнула:

— Максим Максимыч?!

Он поднял на неё взгляд исподлобья. Она наклонилась и придвинула лицо поближе к нему, чтобы рассмотреть, — не веря своим глазам и думая, что очки её обманывают. Их лица оказались освещены зажигалкой.

— Ёпты, — сказал мужик.

Он погасил зажигалку, так и не закурив. Таисия Тарасовна встала, монументально возвышаясь над ним. Так вот почему он показался ей знакомым! Таисия Тарасовна встала в позу, в которой обычно вещала на родительски собраниях или когда распекала учеников за плохо написанные сочинения. — Максим Максимыч, — сказала она нравоучительно, — как член педсовета, я вынуждена буду доложить директору школы о вашем поведении. — Таисия Тарасовна, я вас прошу, я вас умоляю, — мужик выглядел растерянным, пристыжённым и жалким. — Я не виноват.

— Как не стыдно, — продолжала она безжалостно. — Учитель труда, вы должны быть примером для школьников! А вы!.. Я завтра же!!..

Таисия Тарасовна гордо развернулась и пошла в сторону дома. У неё даже усталость прошла.

Максим Максимыч приподнялся ей вслед, отряхиваясь и вытирая кровь с ладони об одежду.

— Таисия Тарасовна, вернитесь! Я вам всё объясню.

Он догнал её, прихрамывая, взял за локоть и повернул к себе. Она задрала нос и поправила очки, глядя на него свысока.

— Таисия Тарасовна, послушайте меня. Я вас очень уважаю, вы хорошая учительница, и никаких таких мыслей про вас и быть не может. Я просто не пил давно, а тут...

— Что тут? Выпили и стали другим человеком? Питекантропом?

— Чем? Я, простите, такое умное не знаю. Ну извините. Я больше не буду.

Таисия Тарасовна дёрнула рукой, чтобы высвободиться из рук Максима Максимыча. Он поднял бутылку рябиновой настойки.

— Я клянусь! Вот на ней. Хотят тут и капелюшка осталась. Но такими вещами не шутят, между прочим, я вам честно говорю.

Таисия Тарасовна выдохнула, подобрела и обмякла, снова ссутулившись.

— Ладно уж, я не буду на вас доносить. Но вы мне обещаете, что больше никогда...

— Апчхи!

Кто это чихнул?! Таисия Тарасовна с удивлением посмотрела на Максима Максимыча — но это был явно не он. Трудовик втянул голову в плечи, глядя на Таисию Тарасовну в растерянности.

— Апчхи! — раздалось ещё раз.

Таисия Тарасовна обернулась в сторону кустов, из-за которых это, по всей видимости, послышалось. Она пошла туда — Максим Максимыч стал её удерживать:

— Не надо, не ходите.

— Почему это?

— Да ну — лезть в темноту...

— Ещё один насильник? Ничего, вы меня защитите. У вас теперь передо мной долг, — сказала учительница.

— Да не, просто какая-нибудь собака или кошка... — трудовик продолжал хватать её за руки.

— А что это вы меня не пускаете?

— Или белка.

— Это у вас «белка». А я животных очень люблю. И оно явно простужено, его надо проверить. А ну-ка!

Таисия Тарасовна бодрилась, но всё же немного с опаской раздвинула кусты, а там...

Там стоял интеллигентного вида мужчина в пиджаке и брюках, рядом с ним на земле был дипломат.

— Георгий Георгиевич?! — воскликнула учительница в изумлении. — Вот это да! А вы что здесь...

Это был её любимый обэжист. Говорят, мечты сбываются.

Таисия Тарасовна растерялась. Она так сильно хотела, чтобы он был рядом, что он — вот, пожалуиста, материализовался.

Георгий Георгиевич набрал воздуха в грудь, чтобы ещё раз чихнуть, но пытался удержаться от этого. Ещё раз и ещё. Выглядело это так, словно у него приступ и он задыхается.

— Что с вами? — спросила Таисия Тарасовна в тревоге.

Она заботливо прикоснулась к его груди, расслабила ему галстук, расстегнула верхнюю пуговичку рубашки — а он пытался отвернуться в сторону. Она прикоснулась к его лицу, не зная, как ещё помочь. И он таки чихнул прямо на неё.

— Простите, ради Бога, не удержался, — сказал он. — Позвольте, я вас вытру.

Георгий Георгиевич достал из кармана аккуратно сложенный платочек и нежно вытер лицо Таисии Тарасовны.

— Бога ради, извините.

— Да ничего, это не страшно.

— Я простыл.

— Да уж, весна, а ночи холодные.

— А я ж тут так долго стоял.

— Э-э, кстати, да, — она словно очнулась. — А зачем вы здесь стояли? Вы, что ли...

Таисия Тарасовна закрыла рот рукой.

— Ах, Боже мой, вы извращенец?! Вы подглядываете и снимаете...

— Ради Бога, Таисия Тарасовна... Это не то, что вы подумали! Вы просто такая возвышенная, прекрасная и утончённая...

— И это даёт вам повод?!

— Наоборот, я думал, что никак не могу найти повод и подход к вам.

— О чём это вы?

— Таисия Тарасовна, я мучаюсь давно, а вы совсем совсем не обращали на меня внимания.

— Наоборот, это я думала, что не обращаете на меня внимания.

— Да ну что вы.

— И вы такой умный и интеллигентный, мужественный, я боялась, что совсем вам не нравлюсь.

— Таисия Тарасовна... — сказал он дрожащим голосом.

— Георгий Георгиевич... — откликнулась она.

И если бы правдой было, что между людьми в подобные моменты проскакивает искра, то между двумя влюблёнными учителями сейчас пробила бы высоковольтная дуга.

Обэжист взял её руки, прижал к своей груди. Они потянулись друг к другу с поцелуем, но...

— Гхм... — раздалось рядом.

Они оба остановились.

— Ну что, я пойду тогда? — сказал Максим Максимыч, про которого эти двое забыли. — Я ведь больше не нужен?

Таисия Тарасовна снова поправила очки на носу. — Подождите, а что всё-таки произошло? — сказала она. — Почему вы двое оказались тут?

Мужчины переглянулись и оба вздохнули.

— Видите ли, любезная Таисия Тарасовна, — начал Георгий Георгиевич, — я думал, что не имею шансов, если признаюсь вам в любви. Поэтому я попросил Максима Максимыча разыграть нападение. Альбина Николаевна немного помешала этому плану, но, к счастью, она убежала. А я бы выскочил из кустов и спас вас. И тогда бы вы поняли, что я достоин...

— Почему же вы не выскочили? — перебила она.

— Не успел. Сначала не время было и замешкался, а потом вы мне дали такой отпор и убежали — уже было неловко.

— И вы согласились на это? — спросила Таисия Тарасовна трудовика.

— А что было делать? Я же вам говорил, что у меня личная драма. Я не пил три месяца, жена все деньги отбирает и подговорила друзей, чтобы меня не угощали. Иначе, говорит, они со всеми нашими жёнами устроят нам бойкот по поводу постели. А Георгий Георгиевич мне ящик водки обещал поставить и никому не говорить.

— А то, что я перенервничала? Это ничего не значит? А если бы у меня инфаркт случился от вашего розыгрыша?! Детский сад. А если бы...

В глазах Таисии Тарасовны заблестели слёзы. Но мужчины не успели ответить на её обвинения, потому что...

Раздались рёв мотора и вой сирены. Компанию осветили яркие фары. Трудовик, который стоял лицом в ту сторону, даже на секунду ослеп. И к ним почти вплотную подъехал полицейский автомобиль с включённой мигалкой. Из машины выскочили двое полицейских и Альбина Николаевна.

Вернувшаяся учительница закричала:

— Вот они! Вяжите! Да их двое!!!

Никто не успел опомниться, как полицейские скрутили Георгия Георгиевича и Максима Максимыча и повалили их на землю. «Маньяки» пробовали что-то возражать, но полицейские быстро их заткнули и уложили.

— Таисия Тарасовна, дорогая, как вы? Всё в порядке? — Альбина Николаевна подошла к коллеге и заботливо взяла её за плечи, прижала к себе как родную. — Вы не думайте, я не просто так убежала, я за помощью. Я же знала, что вы не красавица, вас-то никто не станет... У-у, злодеи!

Альбина Николаевна пнула лежащего рядом Максима Максимыча и в этот момент узнала его. Она посмотрела на второго лежащего и с удивлением признала в нём ещё одного коллегу. Альбина Николаевна подняла тонкие накрашенные брови: — А это что? Господа, вы почему тут лежите, отдыхаете? Давайте-ка разберёмся.

— Нет уж, дальше без меня,— сказала Таисия Тарасовна.— Мне домой надо, ещё тетради полночи проверить.

— Подождите! Через лес? Ночью? Я провожу! Стойте,— заговорили хором Георгий Георгиевич, Альбина Николаевна и Максим Максимыч.

— Ну, я так понимаю, у нас ложный вызов,— сказал один из полицейских и потёр руки, готовясь собрать неплохой штраф с паникёров.

Маньяка взять не получилось— жаль. Но, с другой стороны, и драться с настоящим преступником, рисковать собой им не пришлось. А так какое-никакое развлечение.

Таисия Тарасовна остановилась и обернулась к ним:

— Знаете, я раньше больше всего боялась неизвестности, которая подстерегает в ночном лесу. Но вижу: чем дальше в лес, тем толще партизаны. — В смысле?— не понял Максим Максимыч.

До него всегда всё туговато доходило.

— В коромысле. Георгий Георгиевич, отдайте трудовику ящик водки. Он заслужил.

— Спасибо, добрый человек!— воскликнул Максим Максимыч.

— Альбина Николаевна,— продолжала Таисия Тарасовна,— а вы так вовремя и так эффектно вернулись— моё восхищение! Вы как раз успели бы застать мой труп ещё тёплым, если бы это было взаправду.

— Таисия Тарасовна! Вы же понимаете!..— начала было Альбина Николаевна.

— Да-да, конечно. Я невзрачная. И знаете, не мне вам советовать, но, может, всё-таки вам краситься не так ярко? Не пришлось бы бегать.

Трудовик тем временем старался поймать её руку и поцеловать, но Таисия Тарасовна не дала ему, а взяла его за ухо.

— А вы, Максим Максимыч,— хватит уже бояться жены, бросайте пить, чтобы самому стать человеком, а не потому, что кто-то запретил.

— Отпустите!— взмолился трудовик.

— Обещайте. На этом клянитесь,— Таисия Тарасовна протянула ему бутылку с рябиновой настойкой.

— Обещаю, обещаю,— сник Максим Максимыч.— Что ж, теперь придётся выполнять.

Таисия Тарасовна улыбнулась ему, взяла свою сумку с тетрадями, развернулась ко всем спиной и пошла по асфальтовой дорожке домой.

— Эй, куда?!— крикнул тот полицейский, что хотел взять штрафы.

Таисия Тарасовна оглянулась— её догнала патрульная машина. За рулём был второй полицейский, Алексей, который сразу оценил обстановку, понял, что здесь случилось, и решил взять Таисию Тарасовну под защиту.

К тому же учительница русского языка и литературы показалась ему очень красивой, пока говорила свою прощальную речь коллегам. Она и правда расправила плечи, стала спокойнее и смелее, более уверенной в себе. Выбившиеся пряди волос делали её похожей на юную девушку. Даже очки её не портили.

Плюс ко всему (и это было немаловажно!) не всякая женщина окажет достойный отпор нападающему— тем более столь хрупкая. Алексей сразу понял, что Таисия Тарасовна особенная, не такая, как все.

Полицейский опустил стекло, выставил локоть наружу и, выглянув, обернулся назад, к своему напарнику:

— Давай садись, чё отстаёшь?

— А ложный вызов?

— Хрен бы с ним. Мы всё равно патрулируем.

Напарник разозлился, но ничего не сказал. Что тут скажешь при свидетелях?

— Садитесь, пожалуйста,— сказал второй полицейский Таисии Тарасовне, вышел из машины и открыл для неё заднюю дверцу.

Она улыбнулась ему, сказала спасибо и села. Не посмотрела даже на своих коллег. А они стояли, раскрыв рты.

Когда дверца машины захлопнулась, Георгий Георгиевич опомнился:

— Таисия Тарасовна, как же так? Вы не ответили мне!

— Да, любовь-то будет?— сказал Максим Максимыч.

— Какая любовь?— спросила Альбина Николаевна, которая всё пропустила и сейчас хлопала густо накрашенными ресницами.

— Будет,— ответил второй полицейский.— Но не с вами.

И полицейская машина уехала.

Вскоре наступило лето, и школьные занятия окончились. А в августе Таисия Тарасовна уволилась из лицея за Тропарёвским парком. Она была беременна, и носить тяжёлые сумки с тетрадками ей запретил муж Алексей. Да и нечего ей было больше делать в этой школе.

Её коллеги ещё долго обсуждали в учительской, как ей подфартило и что всё это счастье на неё свалилось только благодаря им.

— Хотите чаю, Георгий Георгиевич?— спрашивала Альбина Николаевна у обжигиста, в очередной раз вспомнив бывшую коллегу и сняв с подставки закипевший чайник.

— Нет, не хочу, спасибо,— откликнулся он и смотрел в окно, думая о чём-то своём.

И только директор школы не понимал, при чём тут его юбилей, утончённое сабли, которое он щедро выставил для коллектива, и рябиновая настойка.